

«такса услуг» и др. Проблема существования определенных криминогенных традиций в той или иной сфере профессиональной деятельности представляет несомненный научный интерес и нуждается в дальнейшем изучении.

- ¹ Монтескье Ш. Собрание сочинений. — М., 1955. — С. 289
- ² Кузнецов А. В. Уголовное право и личность. — М., Юрид. лит., 1977. — С. 12-13.
- ³ Юридическая энциклопедия / Под ред. М. Ю. Тихомирова. М: Наука, 1999. — С. 229.
- ⁴ Аванесов Г. А. Криминология. Прогностика. Управление. — Горький, 1975. — С. 81-83.
- ⁵ Криминология Отв. ред. Рогов И. И., Балтабаев К. Ж. — Алматы, 2004. — С. 52.
- ⁶ Юридическая энциклопедия. — М: Наука, 1999. — С. 229.
- ⁷ Блувштейн Ю. Д. Понятие личности преступника // Советское государство и право. — 1979. — № 8.; Кудрявцев В. Н. Социально-психологические аспекты антиобщественного поведения // Вопросы философии. — 1974. — № 1.; Яковлева А. М. Детерминизм и «свобода воли» (перспективы изучения личности преступника) // Правоведение. — 1976. — № 6.; Кириллов С. И. Основы теории криминологического исследования корыстно-насильственных преступлений и их предупреждение: Дис... д-ра юрид. наук. — М., 1999. — С. 125.
- ⁸ Антонян Ю. М. Криминология. — М.: ВНИИ МВД СССР, — 1974. — № 29. — С. 99-100; Системный подход к изучению личности преступника // Советское государство и право. — 1974. — № 4.; Преступник как предмет криминологического изучения // Вопросы борьбы с преступностью. — М., 1981. Вып. 34. — С. 46.
- ⁹ См.: Дагель П. С. Учение о личности преступника в советском уголовном праве. — Владивосток, 1979. — С. 61-68.
- ¹⁰ Рахметов Т. Х. Проблемы предупреждения коррупционной преступности в органах внутренних дел Республики Казахстан: Дис. ... канд. юрид. наук. — Алматы, 2010. — С. 25.
- ¹¹ Алтухов С. А. Криминологическая характеристика и профилактика преступлений, совершаемых сотрудниками милиции: Дис. ... д-ра юрид. наук. — Ростов-на-Дону, 2000. — С. 139.
- ¹² Шестаков Д. А. Введение в криминологию семейных отношений. — Л., 1990. — С. 6.
- ¹³ Квициния А. К. Взятничество и борьба с ним. — Сухуми, 1980. — С. 45.
- ¹⁴ Варыгин А. Н., Шляпников О. В. Коррупция в органах внутренних дел // Коррупция и борьба с ней. — М.: Российская криминологическая ассоциация, 200. — С. 102-110.

Түйін

Макала сыбайлас жемкорлық қылмыстар жасаған ишки истер органдарының қызметкерлері туғалардың криминологиялық сипаттамасының сипаттамалық ерекшеліктерін талдауға арналған.

Resume

The paper analyzes the characteristics of the criminological characteristics of the individual law enforcement officers who have committed crimes of corruption.

Шагирова М. К., докторант Алматинской академии МВД РК, кандидат юридических наук

ЗАДЕРЖАНИЕ: СЛЕДСТВЕННОЕ, ОРГАНИЗАЦИОННОЕ И ПРОЦЕССУАЛЬНОЕ ДЕЙСТВИЕ ИЛИ МЕРА ПРИНУЖДЕНИЯ?

Касаясь такой специфической темы, как характеристика задержания с позиции его функционального соответствия, нельзя не заметить, что таковая невозможна без тщательного описания сущности самого следственного действия. В таком контексте например, С. А. Шейфер считает, что термин «следственные действия» традиционно трактуется либо в широком смысле, когда им охватываются все те действия, которые следователь осуществляет на основе уголовно-процессуального закона, либо в узком смысле, когда под ними понимаются лишь действия познавательного характера, т. е. осмотры, освидетельствования, допросы и т. д.¹ В числе сторонников широкой трактовки следственных действий необходимо прежде всего назвать А. М. Ларина. Ученый определяет их как процессуальные акты, в которых

осуществляются правоотношения следователя и лиц, допущенных к участию в расследовании. При этом А. М. Ларин полагает, что реализация двусторонних или многосторонних правоотношений — существенный специфический признак содержания следственных действий².

В самом деле, при производстве следственных действий возникают правоотношения, но это далеко не единственный их признак. Следователь вступает в правоотношения не только при собирании и проверке доказательств. Принимая, например, уголовное дело к своему производству по поручению прокурора, он вступает с ним в определенные правоотношения, но это не означает, что данное процессуальное действие носит характер следственного.

Принятие же точки зрения А. М. Ларина приводит, по существу, к выводу, что все процессуальные действия, выполняемые следователем в ходе досудебного производства, являются следственными. Аналогичной позиции придерживался И. М. Лузгин. Правильно определив следственные действия как регламентированный уголовно-процессуальным законом способ собирания доказательств, он одновременно включил в систему следственных действий группу процессуальных действий, содержание которых составляют управление процессом расследования, установление его пределов, сроков и порядка проведения. К таким действиям И. М. Лузгин отнес вынесение постановления об избрании меры пресечения, продление сроков расследования и т. д.³

Б. А. Комлев также рассматривает следственные действия в широком смысле слова, полагая, что это: 1) любые действия, проведенные следователем, дознавателем, прокурором в ходе расследования уголовного дела (составление плана расследования, направление запросов и т. д.); 2) действия, производство которых регламентировано уголовно-процессуальным законодательством с обязательным составлением протокола (выемка, допрос, задержание, наложение ареста на имущество, обыск, опознание, освидетельствование, осмотр, очная ставка, следственный эксперимент, экспертиза); 3) вынесение постановлений о производстве действий, не требующих составления протокола о производстве следственного действия (о принятии дела к производству, направлении по подследственности и т. д.)⁴.

В узком смысле слова следственные действия — это процессуальные действия, при помощи которых обнаруживаются, закрепляются и проверяются доказательства. Данная позиция полностью разделяется и большинством ученых-процессуалистов, и автором настоящей работы, однако исследователи, исходя из общей посылки о познавательном характере следственных действий, предлагают различные их определения, отличающиеся как содержанием, так и составляющими элементами. Так, И. Е. Быховский считает, что следственное действие есть вид деятельности следователя, состоящей в обнаружении, исследовании, фиксации и изучении доказательств, осуществляемой в соответствии со специальной процедурой⁵.

А. К. Гаврилов, С. П. Ефимичев, В. А. Михайлов, П. М. Туленков полагают, что следственные действия представляют собой предусмотренную уголовно-процессуальным законом и обеспечиваемую государственным принуждением совокупность операций и приемов, которые осуществляются при расследовании преступлений для обнаружения, фиксации и проверки фактических данных, имеющих значение доказательств по уголовному делу⁶.

Под следственными действиями, как пишут Н. С. Алексеев, В. Г. Даев, Л. Д. Кокорев, обычно понимаются регламентированные процессуальным законом действия, непосредственно направленные на обнаружение, закрепление, проверку доказательств⁷.

По мнению В. В. Вандышева, следственными действиями в узком смысле слова являются действия следователя, направленные на сбор, проверку и оценку доказательств⁸. В контексте данной формулировки вызывает возражение направленность следственных действий на оценку доказательств. Оценка доказательств — это мыслительная, логическая деятельность дознавателя, следователя, прокурора и суда, основанная на их внутреннем убеждении.

П. А. Лупинская определяет следственные действия как вид процессуальных действий, имеющих своими целью и содержанием получение доказательств. Она справедливо считает, что в их основе лежат познавательные и удостоверительные моменты, что и отличает эти действия от других процессуальных действий, производимых следователем. Каждое конкретное следственное действие предполагает использование определенных познавательных приемов — сравнения, измерения, моделирования, описания и др. Для большинства следственных действий цель производства названа самим законом⁹.

В. М. Парадеев разграничивает процессуальные действия следователя в зависимости от цели их совершения на две группы. Первую составляют следственные действия, направленные на обнаружение, закрепление и проверку доказательств (допрос, очная ставка, осмотр, освидетельствование и др.). Во вторую он включает процессуальные действия, направленные на принятие решений, являющихся обя-

зательными этапами расследования (привлечение в качестве обвиняемого, ознакомление участников процесса с материалами дела и т. д.)¹⁰

Практически все указанные точки зрения рассматривают следственные действия как действия, направленные на сбор доказательств, что предполагает факт того, что любое следственное действие обязательно заканчивается получением информации, имеющей значение для дела и непременно являющейся доказательственной. Однако это не так даже теоретически, поскольку никто не может заявить о том, что в ходе следственного действия обнаруживаются именно доказательства. В таком контексте рассматривать следственные действия как совокупность операций и приемов, которые осуществляются при расследовании преступлений для обнаружения, фиксации и проверки фактических данных, имеющих значение доказательств по уголовному делу, нельзя¹¹.

Кроме того, мы полагаем, что первоначально сущность следственного действия заключается в формировании образа общей модели произошедшего события, либо его части, а вовсе не в обнаружении информации, отождествляемой с обнаружением, закреплением, проверкой доказательств¹².

Однако попытаемся определить сущность следственного действия с позиции его функционального предназначения. Следует отметить, что в целом все виды уголовно-процессуальной деятельности как криминалистической деятельности, закрепленной в законодательстве имеют следующее эвристическое и функциональное понимание:

- расследование как деятельность, фактически выполняющая функцию познания истины в ходе расследования преступлений;
- организация расследования как деятельность, посвященная обеспечению эвристической деятельности;
- доказывание как деятельность, заключающаяся в оперировании полученной информацией с позиции критериев, предъявляемых для признания ее допустимой для использования в уголовном судопроизводстве;
- разъяснение прав, уведомление и пр. как деятельность по соблюдению форм процессуальной гарантии и, по существу, вид деятельности по доказыванию;
- возмещение ущерба как форма компенсационной деятельности;
- определение статуса участников расследования как деятельность, устанавливающая рамки для действий тех или иных участников судопроизводства;
- деятельность, определяющая состояние расследования и его перспективы (к примеру, постановление о приостановлении производства по делу, возбуждении уголовного дела и пр.);
- деятельность по разрешению ходатайств как деятельность, направленная на удовлетворение интересов участников процесса.

Такая структура предполагает, что задержание является сугубо организационным действием, которое обеспечивает успешность проведения расследования. Здесь наши доводы целиком связаны с рядом факторов.

Во-первых, в данном случае, само задержание не несет эвристической функции, вследствие чего его нельзя считать следственным действием. Более того, по большому счету, здесь оно обеспечивает лишь участие лица в ходе расследования преступления, поэтому и носит организационный характер.

Во-вторых, данная логика пробуждает старый вопрос: а не является ли задержание мерой принуждения? Отметим, что проведенный анализ сущности данного действия указывает на то, что оно **никак** не может быть мерой. Это утверждение основано на том, что понятие «мера» вообще отсутствует в теории принятия решений и было привнесено в уголовный процесс модными, но далеко не всегда логичными исследованиями современных авторов. Более того, такое привнесение базируется на том, что якобы имеет фактическую основу, поскольку лицо в данной ситуации «законно принуждается». Однако это не так, поскольку законность такого принуждения имела бы место лишь в случае судебного решения по делу, во все остальных случаях мы имеем дело с принуждением как негативным отношением к факту обеспечения, и не более. Именно формирование такого образа государства как врага, осуществляющего принуждение собственных граждан, и является целью спецслужб, пытающихся «развалить» наше право и страну изнутри с помощью таких «ученых». На самом же деле, в данном случае никакого принуждения здесь нет, ибо «по сути» оно стоит вне решения судебного органа, управомоченного его осуществлять, и находится в компетенции органа, ведущего расследование, как решение, обеспечивающее расследование и не осуществляющее конечную форму отношения государства к преступным проявлениям (по существу, само принуждение). Исходя из такой логики доктрины принуждения, любые действия государственных органов, которыми недовольны те или иные личности, будут воспринимать-

ся ими как принуждение, свидетельствовать об отсутствии «демократии» в стране и активно подаваться как бессилие власти.

Вполне очевидно, что от этого само задержание не станет менее привлекательным, однако такая его непривлекательность как раз и порождена «истерией» вокруг его обязательной процессуальной части — кратковременного лишения свободы на срок 72 часа. Тут же заметим, что глава 17 Уголовно-процессуального кодекса Республики Казахстан вообще не устанавливает какие-либо сроки задержания, что само по себе — парадокс. При этом сама эта истерия — следствие и причина в себе, деление задержания на фактическое и процессуальное. В противном же случае задержание однозначно не идентифицируется в сознании как уголовно-процессуальное положение, определяющее кратковременное лишение свободы. Здесь это лишь фактическое прерывание процесса жизнедеятельности задерживаемого. Если же утверждать, что в данном случае семидесятидвухчасовой срок лишения свободы никуда не исчезает, а потому задержание все же есть, и именно в трактовке сторонников доктрины «принуждения», тогда нельзя забывать о том, что такой же срок имеет место в ходе применения других мер принуждения. Указанный факт приводит нас к выводу о том, что содержание под стражей и задержание отличаются только сроком такого лишения свободы. Однако это не так, поскольку в данном случае имеют место различные основания для применения указанных действий. Гипотетически это означает, что данные действия не подлежат идентификации по фактическим условиям принудительного характера, а в их основе лежат различные организационные характеристики, что и указывает на организационный, обеспечительный характер задержания, содержания под стражей и прочих «мер» обсуждаемого характера.

- ¹ Шейфер С. А. Следственные действия. Система и процессуальная форма. — М., 2001. — С. 5-6.
- ² Ларин А. М. Следственные действия (определение понятия, терминологии) // Оптимизация расследования преступлений. — Иркутск, 1982. — С. 98,101.
- ³ Лузгин И. М. Методологические проблемы расследования. — М., 1973. — С. 94,96.
- ⁴ Комлев Б. А. Следственные действия // Российская юридическая энциклопедия. — М., 1999. — С. 892.
- ⁵ Быховский И. Е. Развитие процессуальной регламентации следственных действий // Сов. государство и право. — 1972. — № 4. — С. 108.
- ⁶ Следственные действия по советскому уголовно-процессуальному праву: Учеб. пос. / А. К. Гаврилов, С. П. Ефимичев, В. А. Михайлов, П. М. Туленков. — Волгоград, 1975. — С. 5.
- ⁷ Алексеев Н. С., Даев В. Г., Кокорев Л. Д. Очерк развития науки советского уголовного процесса. — Воронеж, 1980. — С. 186.
- ⁸ Вандышев В. В. Уголовный процесс: Конспект лекций. — СПб., 2002. — С. 121.
- ⁹ Лупинская П. А. Уголовно-процессуальное право: Учебн. — М., 2001. — С. 190.
- ¹⁰ Парадеев В. М. Уголовный процесс: Учеб. пособие. — Екатеринбург, 1992. — С. 130.
- ¹¹ Следственные действия по советскому уголовно-процессуальному праву: Учеб. пос. / А. К. Гаврилов, С. П. Ефимичев, В. А. Михайлов, П. М. Туленков. — Волгоград, 1975. — С. 5.
- ¹² Алексеев Н. С., Даев В. Г., Кокорев Л. Д. Указ. раб. — Воронеж, 1980. — С. 186.

Түйін

Настоящая статья посвящена актуальным проблемам типологической характеристики задержания. В статье освещаются дискуссионные вопросы существования задержания как следственного действия, меры принуждения, организационного действия.

Resume

This article is devoted to topical problems of the typological characteristics of the detention. The article highlights the problems of existence disskussionye detention as an investigative action, enforcement, institutional action.